

Примечание

¹ Миронов приводит пример Венгрии, которой при значительно меньшем объеме обязательств потребовалось более пяти лет подготовительной работы, и Великобритании, в которой “дискуссия о необходимости быть частью Европы началась в конце сороковых годов прошлого века и не завершилась по сей день – после проведения нескольких референдумов” (Миронов 2002).

Источники и литература

- Миронов 2002 – Миронов О.О. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации “О выполнении Россией обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы” 20.05.2002 (http://sutyajnik.ru/rus/echr/history/spec_dokl.htm)
- Распоряжение 2001 – Распоряжение Президента РФ от 22 февраля 2001 г. № 90-рп.
- Резолюция 2002 – Резолюция Парламентской Ассамблеи 1277 (2002)1 “Выполнение Российской Федерацией своих обязательств”.
- Резолюция 2005 – Резолюция Парламентской Ассамблеи 1455 (2005) “О выполнении обязанностей и обязательств Российской Федерацией”.
- СП 2009 – Совместная программа “Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества” (<http://www.coe.ru/>).
- Grin 2003 – Grin F. Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave MacMillan, 2003.
- Opinion 1996 – Opinion № 193 (1996) on Russia’s request for membership of the Council of Europe (<http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta96/EOP1193.htm>).

S.V. Sokolovskii. Introduction: The European Language Charter in Russia

Keywords: European Charter for Regional or Minority Languages, Russian Federation, regional or minority languages protection

ЭО, 2010 г., № 4

© С.В. Соколовский

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ИЛИ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ

Ключевые слова: Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств, Российская Федерация, проблемы имплементации, экономические аспекты имплементации

Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств (далее – Хартия) представляет собой международный договор с весьма сложной структурой, объектами защиты которого являются языки. Этот документ относится, как говорят юристы, к документам обязательств, а не к документам, гарантирующим соблюдение прав, поскольку государства-участники принимают на себя по выбору систему

пунктов (параграфов Хартии) для защиты недоминирующих или менее используемых языков, на которых говорят граждане этих государств. В отношении каждого из таких языков и даже каждой из территорий, на которых они распространены, можно создавать уникальный набор обязательств. Теоретически возможна такая ситуация, когда каждый из недоминирующих языков получает собственную модель или версию защиты, однако на практике число таких моделей, разумеется, не является безграничным, и каждое из ратифицировавших Хартию государств для упрощения отчетности обычно использует лишь несколько моделей из весьма значительного числа возможных.

Целью этой статьи является рассмотрение европейского опыта внедрения норм (имплементации) Хартии в связи с тем, что Россия вступила в активную фазу подготовки к ее ратификации, и такого рода опыт может оказаться полезным при принятии решений относительно конкретных уровней защиты различных языков. Основными источниками, использованными при подготовке статьи, стали периодические отчеты государств-участников Хартии, комментарии экспертов Совета Европы, рекомендации Комитета министров Совета Европы и другие публикации, упоминаемые ниже, а также личный опыт участия в конференциях, семинарах и рабочих экспертных группах, проводимых представительством Европейского Союза в России и Министерством регионального развития Российской Федерации. Поскольку отдельные государства прошли уже три цикла отчетности (см. Табл.), то в моем распоряжении оказалось более 50 отчетов с подробными характеристиками языковых ситуаций и принимаемых правительственных мер, а также соответствующее число экспертных комментариев и замечаний министров, что позволило получить относительно целостное впечатление о проблемах имплементации Хартии в различных государствах Европы.

В основу механизма выполнения обязательств по Хартии, помимо уже упомянутой периодической отчетности и заключений Комитета экспертов Совета Европы, положена идея постоянного совершенствования системы обязательств, нацеленных на постепенное развитие языков и обеспечение языковых прав граждан государств-участников. По мере прохождения новых циклов отчетности и решения очередных задач управления языковым многообразием практически у всех государств-участников появлялись новые задачи и цели, под защитой Хартии оказывались и новые, прежде неучтенные языковые сообщества, и число языковых единиц¹, оказавшихся под защитой Хартии, постоянно растет. Вместе с тем, следует отметить, что Хартия содержит относительно небольшой набор защитных норм или обязательств, что позволяет некоторым экспертам говорить о ее минималистском характере. Действительно, в отношении старописьменных языков, нередко являющихся официальными или доминирующими языками в сопредельных государствах и обладающих развитыми литературными традициями, этот набор можно считать минималистским. В отношении младописьменных языков, не говоря уже о бесписьменных языках с менее развитыми терминосистемами, обязательства по Хартии (в особенности в Части III) могут оказаться весьма обременительными и дорогостоящими. Одной из задач статьи является, таким образом, оценка разнообразных рисков и проблем, с которыми может столкнуться Россия, ратифицировав Хартию.

Возможные риски можно объединить в пять проблемных областей, каждая из которых, впрочем, связана со всеми остальными, так что сама группировка оказывается весьма условной, однако позволяет систематизировать имеющиеся материалы и придать их изложению упорядоченный характер.

Первой из таких проблем является проблема российского *диапазона*, или *масс-штаба языкового разнообразия*, беспрецедентная в границах Европы. Если руководствоваться лингвистическими, а не политическими критериями, то языковое многообразие охватываемых Хартией 24 государств исчерпывается 46 языками (их перечень приведен выше в комментарии к *Таблице 1*), причем 29 из них являются государственными либо в странах-участницах Хартии, либо в соседних государствах.

Таблица

Сроки вступления в силу Европейской Хартии, поступления отчетов и перечни защищаемых языков (по состоянию на ноябрь 2009 г.)

Страны / Дата вступления	Отчеты	Защищаемые языки
Австрия 28.06.2001	2003, 2007	венгерский, словенский, хорватский Бургенланда, цыганский язык австрийских цыган, чешский
Армения 25.01.2002	2003, 2008	ассирийский, греческий, езидский, курдский, русский
Великобритания 27.01.2001	2002, 2005, 2009	валлийский, гэльский, ирландский, шотландский (вкл. шотландский Ольстера)
Венгрия 16.03.1999	1999, 2002, 2005, 2009	немецкий, румынский, сербский, словацкий, словенский, хорватский, цыганский (беас)
Германия 16.09.1998	2000, 2004, 2007	датский, верхнелужицкий, нижнелужицкий, нижненемецкий, сатерландский (старовосточнофризский), северофризский, цыганский немецких синти и рома**
Дания 08.09.2000	2002, 2006	немецкий Южной Ютландии
Испания 09.04.2001	2002, 2007	арагонский*, астурийский*, аранский [диалект окситанского], баскский [эускари], галисийский, каталанский (вкл. валенсийский), португальский
Кипр 26.08.2002	2005, 2008	армянский, арабский маронитской общины Кипра
Лихтенштейн 18.11.1997	1999, 2002, 2005, 2008	–
Люксембург 08.04.2005	2007	–
Нидерланды 02.05.1996	1999, 2003, 2007	фризский; нижнесаксонский, лимбургский, идиш**, цыганские языки**
Норвегия 10.11.1993	1999, 2002, 2005	саамский, квенский [диалект финского], цыганские**
Польша 12.02.2009	–	армянский, белорусский, идиш**, караимский, кашубский, лемковский, литовский, немецкий, русский, словацкий, татарский, украинский, чешский, цыганский**
Румыния 29.01.2008	–	албанский, армянский, болгарский, венгерский, греческий, идиш, итальянский, немецкий, македонский, польский, русинский, русский, сербский, словацкий, татарский, турецкий, украинский, хорватский, цыганский, чешский
Сербия 15.02.2006	2007	албанский, боснийский, болгарский, венгерский, румынский, русинский, словацкий, украинский, хорватский, цыганский
Словакия 05.09.2001	2003, 2008	цыганский, немецкий, венгерский, русинский, украинский, чешский, болгарский, польский, хорватский
Словения 04.10.2000	2002, 2005, 2009	венгерский, итальянский, цыганский
Украина 19.09.2005	2007	белорусский, болгарский, венгерский, гагаузский, греческий, идиш, крымскотатарский, молдавский, немецкий, польский, румынский, русский, словацкий
Финляндия 09.11.1994	1999, 2002, 2006	русский**, саамский, татарский**, цыганский**, шведский
Хорватия 05.11.1997	1999, 2003, 2006	итальянский, венгерский, русинский, сербский, словацкий, украинский, чешский
Черногория 15.02.2006	2007	албанский, цыганский
Чехия 15.11.2006	2008	немецкий, польский, словацкий, цыганский
Швейцария 23.12.1997	1999, 2002, 2006	итальянский, ретороманский [романшский]
Швеция 09.02.2000	2001, 2004, 2007	идиш**, саамский, торнедалский [диалект финского], цыганский**

* Неофициальные языки; ** нетерриториальные языки

Сведения, представленные в *Таблице*, позволяют отметить, что в странах, ратифицировавших Хартию, поддерживается 60 языковых единиц (включая диалекты), или 46 языков, причем более половины из них являются государственными языками соседних стран: албанский, арабский [вкл. арабский кипрских маронитов], арагонский, аранский, армянский, ассирийский, астурийский, баскский (эускари), белорусский, болгарский, валлийский, венгерский, гагаузский, галисийский, греческий, гэльский (Шотландия и о-в Мэн), датский, езидский, идиш, ирландский, итальянский, караимский, каталанский [вкл. валенсийский], крымскотатарский, курдский, литовский, лужицкий [вкл. верхне- и нижнелужицкий], македонский, немецкий [вкл. нижненемецкий и нижнесаксонский], польский [вкл. кашубский], португальский, ретороманский (или романш), румынский [вкл. молдавский], русский, саамский, сербскохорватский [вкл. боснийский, сербский, хорватский и хорватский Бургенланда], словацкий, словенский, татарский, турецкий, украинский [вкл. лемковский и русинский], финский [вкл. квенский и торнедалский], фризский [вкл. северофризский и сатерландский или старовосточнофризский], цыганские языки [романи чиб и беас], чешский, шведский.

Помимо 24 стран, ратифицировавших Хартию и представивших ратификационные грамоты, девять государств, подписавших Хартию, до сих пор не ратифицировали ее (Азербайджан – в 2001 г., Босния и Герцеговина – в 2005 г., Исландия – в 1999 г., Италия – в 2000 г., Македония – в 1996 г., Мальта – в 1992 г., Молдова – в 2002 г., Россия – в 2001 г. и Франция – в 1999 г.). Еще 14 стран-членов Совета Европы не подписывали Хартию (Албания, Андорра, Бельгия, Болгария, Грузия, Греция, Ирландия, Латвия, Литва, Монако, Португалия, Сан-Марино, Турция и Эстония).

Наличие государственной поддержки для языка (даже за пределами того государства, где он не является официальным языком, а представляет собой язык меньшинства или региональный язык) оказывается решающим фактором его выживания и значительно сокращает финансовые издержки, требуемые для его поддержания (например, в части разработки новой терминологии, подготовки словарей, учебников и квалифицированных преподавателей, организации радио- и телевидения на соответствующем языке и т.д.). Государственные языки обладают развитой и исторически сложившейся инфраструктурой обеспечения языковых прав и языкового развития, и их существованию, строго говоря, ничто не угрожает. В то же время некоторые вымирающие языки, число носителей которых, по оценкам лингвистов, уже сегодня составляет менее 1000 человек, по каким-то причинам иногда оказываются за рамками Хартии (как, например, истророманский или истриотский в Хорватии).

Даже по самым скромным оценкам языкового многообразия в России (см. статью В.В. Степанова в настоящем номере), количество языковых сообществ может втрое, а то и вчетверо превосходить их численность во всех ратифицировавших Хартию странах вместе взятых. При этом в случае России подавляющее большинство языков не являются государственными ни в стране, ни за ее пределами, а стало быть, и не располагают той инфраструктурной обеспеченностью, о которой шла речь выше. Уровень затрат на поддержку таких языков будет заведомо выше, чем у официальных старописьменных языков.

Масштаб языкового разнообразия имеет и пространственное или географическое измерение, т.е. *территориальный аспект*. Россия по своей площади почти вдвое превосходит площадь всей Европы, что создает существенные трудности при сборе социолингвистической информации и мониторинге потребностей в области языковых прав, а также многократно повышает расходы на исследования. Сложность административно-территориального деления страны и неполнота информации относительно характера расселения носителей того или иного языка, а также их потребностей в дошкольном и школьном образовании, в свою очередь, усложняет исследовательскую и мониторинговую стороны имплементации. Даже инвентаризация правовых норм, действующих в сферах языка и образования на уровне субъектов федерации, становится самостоятельной и требующей значительных усилий задачей, поскольку речь идет о тысячах, если не десятках тысяч законодательных актов. В условиях, когда

территория такого субъекта РФ как, например, Красноярский край в четыре с лишним раза превосходит территорию Франции, общие сведения о числе носителей того или иного языка на такой обширной территории становятся бесполезными – нужны данные на уровне районов и населенных пунктов. Информация на уровне районов и отдельных поселений необходима для выработки адекватных моделей защиты каждого из языков; без нее планирование образования и определение потребностей в обучении языку или на языке представляется невозможным. Перечень берущихся под защиту Хартии языков обязательно должен быть снабжен перечнем территорий их распространения, а сами модели защиты должны быть гибко адаптированы к особенностям расселения и уровню потребностей населения в конкретных условиях бытования языковых сообществ, то есть на уровне районов и отдельных поселений. Это означает, что ратификационный документ в случае России будет иметь сложную структуру, опирающуюся не на одну-две, а, как минимум, на пять-шесть моделей, дифференцированных по уровню развития языков, характера пространственно-территориального распространения их носителей, потребностей в обучении и т.д.

Все перечисленное делает очевидной значимость *экономических проблем* имплементации. Без специального исследования экспертные оценки финансовых рисков имплементации Хартии в России могут быть сегодня только косвенными и сугубо предварительными, тем не менее, они все же возможны. Для языков с развитой инфраструктурой на первых порах не потребуются больших дополнительных вложений, поскольку у них есть и подготовленные учителя, и разработанные учебные курсы и учебники, налажен выпуск периодической печати и книг, существуют теле- и радиoprogramмы, хотя в ряде случаев и с явным недостатком часов вещания. Такие языковые сообщества, как правило, имеют высокий уровень политического представительства и могут лоббировать собственные интересы в сфере языковой политики. Более того, вполне возможна ситуация, когда федеральное правительство может посчитать, что, например, титульные языки во многих республиках (как, например, в Татарстане, Туве, Чувашии и Якутии) уже достаточно защищены, и, стало быть, их не нужно включать в ратификационный отчет².

Иное дело так называемые младо- и новописьменные языки (в России таких языков 20³), или языки с прерванной и относительно недавно возобновленной традицией письменности (8 языков), и, наконец, бесписьменные языки, которых по данным российских социолингвистов, только в Дагестане насчитывается более двадцати (ПЯ 2003: XVII–XX). Большинство языков этой группы (за исключением эвенского), которую я предлагаю условно называть, *языками с ослабленной инфраструктурой поддержки*, не используются в качестве языка обучения в школьном образовании, а некоторые из них преподаются лишь как факультатив. Бесписьменные же языки не преподаются вовсе, или преподаются в школах факультативно. Лишь у двух из 26 бесписьменных языков, исследованных лингвистами в рамках международного проекта (негидальского и орокского), существуют программы радиовещания; остальные в СМИ не используются. Языки именно этой группы нуждаются в первоочередной поддержке и защите, однако как раз их защита и требует наибольших финансовых затрат.

Выше уже шла речь о том, что число европейских языков с менее развитой инфраструктурной поддержкой, уже охваченных Хартией, весьма невелико – их не наберется и двух десятков. При этом нужно отметить, что практически все они имеют письменные традиции, а также весь набор современных медиа и соответствующие образовательные инфраструктуры. В России инфраструктурно слабых языков, как минимум, вдвое больше, чем во всех 24 странах, ратифицировавших Хартию, вместе взятых. Стало быть, по самым приблизительным оценкам, и уровень затрат будет на порядок выше, чем в любой отдельно взятой европейской стране.

Чтобы лучше представить, каков может быть характер и уровень предполагаемых затрат, обратимся к некоторым примерам из опыта других стран-участниц Хартии. Например, в отчете Великобритании сообщается, что Ассамблея правительства Уэльса лишь на поддержку нескольких газет и журналов на валлийском языке в 2001–2002 годах выделила 150–200 тыс. фунтов. Еще 51 тыс. фунтов на поддержку валлийской печати поступила от Комиссии по поддержке валлийского языка (ACUK 2004: 12, 26). Правительство Уэльса в последнее время увеличило поддержку валлийского до 37 млн. фунтов (ACUK 2004: 63). В этом же отчете упоминается, что поддержка телепрограмм на гэльском обходится правительству Шотландии ежегодно в 8,5 млн. фунтов стерлингов, что позволяет подготовить за год около 150 часов телевещания на этом языке (ACUK 2004: 40). В 2001–2002 годах Гэльский телекомитет получил 8,9 млн. фунтов (Там же).

В соответствии с обязательством по Хартии “поддерживать хотя бы одну газету на [каждом] региональном языке или языке меньшинства” (Статья 11 е, i Хартии) одна из газет, выходящих на ирландском языке в Северной Ирландии, получает ежегодную субсидию от британского правительства в сумме 115 тыс. фунтов стерлингов. Помимо этого, североирландский телекомитет ежегодно выделяет целевые субсидии на подготовку титров на ирландском для телевидения и кинопроката. Поддержка ирландского языка в Северной Ирландии ежегодно обходится примерно в 4 млн. фунтов (Там же: 68). Иными словами, на обеспечение лишь части расходов на поддержку трех языков ежегодно тратится более 50 млн. фунтов стерлингов. Нужно еще раз подчеркнуть, что речь здесь идет об инфраструктурно сильных языках, для поддержки и развития которых уже действуют полные наборы институтов и механизмов (подготовлены специалисты, учителя, учебные курсы и учебники, школьные и дошкольные учреждения, СМИ, включая телевидение, книгопечатание, существуют системы мониторинга языковых потребностей и проч.). Если же попытаться подсчитать финансовые издержки, требующиеся на соответствующее развитие бесписьменных языков, то затратыкратно возрастают, причем значительная их часть не зависит от числа носителей языка, поскольку, например, подготовка специалистов, учебников и словарей, разработка лексического корпуса, создание радио- и телепрограмм стоит примерно одинаково, готовятся ли они для 100 человек или для 10 тыс. человек.

Теперь мы располагаем некоторым, пусть весьма приблизительным, ориентиром для оценки объемов финансирования, требуемого для имплементации. Если взять за основу британский уровень поддержки и считать, к примеру, что поддержка новописьменных и бесписьменных языков будет обходиться вдвое дороже, чем инфраструктурно сильных, то на поддержку каждого из сильных языков (исходя из той же минимальной суммы в 50 млн. фунтов стерлингов или 55 млн. евро на поддержку трех языков с развитой инфраструктурой) потребуется около 18 млн., а слабых – 36 млн. евро ежегодно. В России 34 официальных языка (включая 11 дагестанских⁴) имеют статус государственных на территориях соответствующих республик. Однако далеко не все из них можно считать инфраструктурно сильными. Так, например, агульский, ругульский и цахурский следует отнести к новописьменным языкам, получившим письменность лишь в 1990-е годы (цахурский является языком с возобновленной письменной традицией). Еще на 19 языках преподавание в средней школе не ведется (они преподаются лишь как предмет). Таким образом, 22 языка с относительно развитыми инфраструктурами, обеспечивающими их эффективное функционирование в важнейших коммуникативных сферах, должны получить около 400 млн. евро субсидий на развитие и поддержку. Остальные 12 языков из числа официальных или государственных потребуют для своего функционального развития больших затрат – около 430 млн. евро. 28 младо- и новописьменных языков (т.е. получивших письменность в 1920–1930-е или 1990-е годы) потребуют уже более 1 млрд. евро. Это очень солидные бюджетные расходы, которые, согласно российскому законодательству, ля-

гут основным бременем на региональные и местные бюджеты (т.е. бюджеты органов местного самоуправления).

Приведенный расчет может, разумеется, рассматриваться как преувеличенный, хотя бы потому, что некоторая часть средств (но не столь уж значительная, поскольку затраты на печать и телевидение окажутся сравнимыми; кроме того, в приведенный выше расчет не включена стоимость поддержки и развития бесписьменных языков) может быть сэкономлена за счет более низкой стоимости труда в России сравнительно с его стоимостью в Великобритании. Я привел этот условный и сугубо приблизительный расчет лишь потому, что у некоторых чиновников как из российских, так и из европейских структур существует иллюзия, что финансовая сторона имплементации Хартии совсем неважна, была бы политическая воля. Я мог бы привести еще множество примеров того, что игнорирование этой стороны оборачивается проблемами и что ответственное отношение к ратификации (а я являюсь ее сторонником) потребует тщательного расчета и планирования. В противном случае, вместо развития языков мы получим политизацию всей сферы регулирования языковых прав и новый тур языковых конфликтов.

Возможность появления новых *конфликтов*, в связи с внедрением новых обязательств является еще одной группой рисков или проблем, которая должна обсуждаться при подготовке к имплементации Хартии. Хорошо известно, что в странах с высокой языковой мозаичностью и сложной языковой ситуацией существует опасность появления языковых конфликтов и даже так называемых школьных войн, возникающих в ходе “языковой экспансии” языков, объявленных государственными, на другие языковые сообщества (ПЯ 2000: XXII). Мы знакомы с такими конфликтами, латентными и открытыми, на примерах Молдовы и стран Балтии, не ратифицировавших Хартию как раз с учетом этого комплекса проблем. По существу конфликтной стала ратификация Хартии и на Украине.

Украинская Верховная Рада ратифицировала Хартию дважды. Первый раз это произошло 24 декабря 1999 г. Принятый тогда вариант ратификации закреплял за русским языком статус официального на большей части государства. 12 июня 2000 г. закон о ратификации был отменен Конституционным судом Украины на основании “несоответствия процедуры подписания закона”. Прецедент “несоответствия” был создан самим Конституционным судом: 12 июля 2000 г. суд принял решение о том, что ратификационные законы должен подписывать не председатель Верховной Рады Украины, как это было определено украинским законодательством того времени, а президент. Затем решению Суда была придана обратная сила⁵. После нескольких неудачных попыток Верховная Рада Украины все же ратифицировала Хартию 15 мая 2003 г. вторично, существенно сократив и урезав исходные обязательства, зафиксированные в ратификационном документе 1999 г. Согласно сведениям, приведенным в первом отчете Украины по Хартии, на поддержку русского языка было выделено 60 тыс. гривен (при численности говорящих, согласно этому же отчету, в 13,5 млн. человек). В то же время на поддержку, например, болгарского языка при численности говорящих в 204,6 тыс. человек выделено 387 тыс. гривен, а крымскотатарского (численность говорящих 248,2 тыс. человек) – 527 тыс. гривен (UIPR 2007: 9). Такой подход бывшего украинского правительства позволил Партии регионов эффективнее мобилизовать свой электорат, пообещав ему более справедливую защиту языковых прав, и победить на президентских выборах.

В России, как известно, существует несколько лингвоконтактных зон, население которых оказалось вовлеченным в конфликт националистически настроенных элит, энергично использующих среди прочих и языковые аргументы. Некоторые лидеры, заработавшие свой политический капитал на “национальном вопросе” в 1990-е годы и успевшие за последнее время его подрастатить, уже сегодня готовы использовать ратификацию Хартии для получения новых политических дивидендов. Ирония заключается в том, что Хартия была специально разработана с целью “уменьшить опасения

правительств, которые бы негативно реагировали на все, что угрожало национальному единству или территориальной целостности государства, но которые оказались бы более открытыми для принятия существования культурного и языкового многообразия на их территориях” (*Ó'Riagáin* 2003: 56). Сегодня некоторые международные эксперты признают, что, по крайней мере, на Украине, “Хартия сыграла совершенно иную роль” (*Bowring, Antonovich* 2008: 157). Чтобы она не сыграла аналогичную роль в России, необходимо тщательно взвесить возможные конфликтные последствия ее ратификации и провести разъяснительную работу среди населения тех регионов, которые могут быть втянуты в подобные конфликты.

Наконец, у имплементации Хартии существует еще один аспект – *внешнеполитический*. Эта последняя проблемная зона касается, строго говоря, не самой имплементации Хартии в России, а, скорее, внешнеполитических плюсов и минусов и, в частности, имиджа страны. Ратификационный инструмент должен носить исключительно прагматический и осторожный характер, а модель или меню (и соответственно – набор обязательств) для каждого из включенных под защиту Хартии языков должны оказаться выверенными так, чтобы минимизировать все отмеченные выше риски, одновременно создавая возможности для более эффективной защиты каждого языка. Любые ошибки в этой области повлекут нарекания и ухудшат международный имидж России. Напомню, что некоторые из европейских держав, в том числе наши балтийские соседи, пока даже не подписали Хартии, не говоря о ее ратификации. Не ратифицировали ее и такие крупные европейские государства старой демократии, как Италия и Франция, хотя в обеих странах продолжается подготовительная работа, в том числе и по совершенствованию языкового законодательства. В России уже инициированы первые мероприятия по имплементации Хартии в нескольких пилотных регионах, однако для успешного ее проведения российскому экспертному сообществу еще предстоит серьезная работа.

Примечания

¹ Как следует из комментариев к Табл. 1, вопреки утверждению, что Хартия защищает только языки, а не диалекты (в Ст.1 Хартии приводится определение: “региональных языков или языков меньшинств” с оговоркой, что “они не включают в себя ни диалекты государственного языка /языков/ этого Государства, ни языки мигрантов”), в перечне защищаемых языков оказалось немало диалектов, поэтому различные эксперты приводят разные числа защищаемых Хартией “языковых единиц”.

² Так, например, поступило датское правительство в отношении фарерского и гренландского языков, приложив к ратификационной грамоте декларацию, в которой отмечалось, что данные языки уже имеют весьма высокую степень защиты и что, следовательно, Хартия не будет использоваться в их отношении, а сведения о них не будут включаться в периодические отчеты (DIPR 2003: 4).

³ Уместно еще раз напомнить, что перечень языков, оказавшихся под защитой Хартии на сегодняшний день, включает лишь 19 *негосударственных языков* во всех странах суммарно.

⁴ В это число не включены также являющиеся государственными языками Дагестана русский, чеченский и азербайджанский. Русский язык относится к доминирующим государственным языкам и поэтому не может защищаться нормами Хартии по ее условиям; чеченский уже учтен как государственный для территории Чечни (и, чтобы избежать двойного счета языковых единиц, не посчитан и как государственный язык Дагестана), азербайджанский же, подобно другим распространенным на территории России языкам, являющимся государственными в соседних странах (например, армянскому), обычно не включается лингвистами в категорию “языки Российской Федерации”. Последнее не означает, что такие языковые сообщества будут исключены российским правительством из ратификационного перечня (скорее всего, они будут включены), но моя задача – дать минимальную оценку стоимости мероприятий, связанных с имплементацией Хартии, и, в силу этого обстоятельства, данная группа языков пока исключается из расчета.

⁵ Само решение было применено выборочно – исключительно по отношению к Закону о ратификации Хартии, без распространения на аналогичные законы.

Литература

- ПЯ 2000 – Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М.: Academia, 2000.
- ПЯ 2003 – Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М.: Academia, 2003.
- ACUK 2004 – Application of the Charter in the United Kingdom [ECRML (2004) 1]. Strasbourg, 24 March 2004.
- Bowring, Antonovich* 2008 – *Bowring B., Antonovich M.* Ukraine's long and winding road to the European Charter for Regional or Minority Languages // The European Charter for Regional or Minority Languages: Legal Challenges and Opportunities. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2008. P. 157–182.
- DIPR 2003 – Denmark Initial Periodical Report [MIN-LANG/PR (2003) 1]. Strasbourg, 23 January 2003.
- Ó'Riagáin 2003 – Ó'Riagáin D. The Charter: An Overview // *Grin F.* Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2003.
- UIPR 2007 – Ukraine Initial Periodical Report [MIN-LANG/PR (2007) 6]. Strasbourg, 2 August 2007.

S.V. Sokolovski. On the International Experience of Implementation of the European Charter for Regional or Minority Languages

Keywords: European Charter for Regional or Minority Languages, Russian Federation, implementation problems, linguistic reform costs

ЭО, 2010 г., № 4

© В.В. Степанов

**ПОДДЕРЖКА ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ключевые слова: языковая политика, этническая политика, Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств

Цель статьи – рассмотрение некоторых существенных моментов, связанных с положением языков в Российской Федерации, ввиду возможной ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (далее – Хартия). Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., в стране функционирует свыше 150 языков. На русском языке, обладающем статусом государственного на всей территории страны, говорит 98,2% населения. Кроме того, 23% владеют 38 языками. Остальные 114 языков распространены среди 1% населения. Большинство языков массового владения обладает статусом республиканских государственных языков в пределах отдельных субъектов Российской Федерации и имеет преференции в сфере бюджетных затрат на поддержку и развитие. Таким образом, наблюдается, с одной стороны – языковое единство в России и языковое доминирование русского языка, с